

Бенедикт Сарнов

Скуки не было

Третья книга воспоминаний

От автора

Закончив вторую книгу своих воспоминаний, в которой довел повествование до наших дней, я на первых порах испытал естественное чувство освобождения. Но вскоре меня стала мучить какая-то неясная неудовлетворенность, постепенно вылившаяся в отчетливое сознание, что дело не кончено – работа не завершена.

Сознание это было рождено тем, что я целиком пропустил огромный по значению кусок своей жизни – время перестройки, распада Советского Союза, начала нынешнего, уже постсоветского периода нашей истории.

Материала тут хватило бы еще на один – третий том. И я стал задумываться о том, что, пожалуй, надо бы мне эту третью книгу моих воспоминаний все-таки написать.

И вдруг меня осенило, что такая книга мною, в сущности, уже написана. Это – статьи, очерки, фельетоны и полемические заметки 80-х и 90-х годов. Те, что я писал и печатал в те годы в «Огоньке», «Московских новостях», с которыми выступал по радио.

То было время надежд, многим из которых, – если глядеть из сегодняшнего дня, – не суждено было сбыться. И хотя я никогда не считал, что выход из того чудовищного исторического тупика, в который завели Россию большевики, может быть простым и безболезненным, стремительный крах ненавистной мне советской системы кружил голову, пьянил, заражал никогда прежде мне не свойственным историческим оптимизмом.

*Что греха таить! За минувшие годы тот мой исторический оптимизм сильно поблек. Но ведь это значит, что те, как мне казалось, совсем недавние годы тоже уже **стали историей**. И если я соберу и сложу в книгу свои статьи, очерки и фельетоны 80-х и 90-х годов, – это тоже будет по сути своей **книга воспоминаний**.*

Вот, скажем, мой журнальный отклик на проезд Солженицына. Или мой рассказ о том, как я был наблюдателем во время референдума, который должен был решить, кого поддержит народ, – президента или добивающихся его отставки коммунистов, составивших тогда большинство в Верховном совете.

И не придется ломать голову над заглавием этой моей новой книги. Название ее может остаться прежним. Ведь СКУКИ, как и в сороковые, пятидесятые, шестидесятые, НЕ БЫЛО и в эти, совсем недавние, но уже успевшие стать историей, 80-е и 90-е годы.

Итак, дорогой читатель, перед вами еще одна, уже третья книга моих воспоминаний – под тем же заглавием: «Скуки не было». А перед первыми двумя у нее даже есть одно важное преимущество: ее можно читать, и не зная тех двух. Являясь в некотором смысле их продолжением, она в то же время никак от них не зависит: существует сама по себе.

...На гражданской панихиде Игорь Иртеньев почему-то посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом. Это показалось странным, поскольку мы не знакомы. Но во время его выступления все разъяснилось. Игорь Моисеевич сказал, что не нужно обольщаться издательским успехом последних книг Сарнова. Ведь вот тут в малом зале ЦДЛ находятся только старые знакомые. И совсем нет молодежи...

Вот в чем дело! В свой почти «полтинник» я оказался здесь самым молодым. И после этого показалось, что тут происходит не только прощание с Бенедиктом Михайловичем Сарновым, но и похороны либеральной идеи в России («исторический оптимизм сильно поблек»).

А если уж идеи умирают, то после ухода человека остается спрашивать: «Дети, внуки есть?». Тяжесть от потери облегчается ощущением непрерывности цепочки. Так вот – в нашем случае «дети-внуки» есть. Правда, Феликс Бенедиктович, по-отцовски доброжелательно-ироничный, о себе говорить не любит.

Феликс Сарнов:

«О себе рассказывать мне как-то не очень интересно. Ну разве что в приложении к отцу, к маме... С именем мне, конечно, повезло. Постоянно приходилось слышать шутки: «А, так это

Феликса Эдмундовича в честь тебя назвали?». У отца в рассказе «Трудная весна» описана история, как он, когда был в эвакуации, то в школе зачем-то сказал, будто его зовут Феликс. Так и записали. А когда надо было готовить документы об окончании восьмилетки, оказалось, что по документам имя у него совсем другое... К тому же моего прадеда звали Фишель. По иудейской религии в честь умерших родственников называть можно. Вот папа и выбирал из русских аналогов: Федор, Федот... Феликс ближе всего.

Сын Б. Сарнова Феликс

Когда я был в пятом классе, родители решили перевести меня в английскую школу. И вот тогда я стал «трудным ребенком». Дело в том, что английскую школу сделали из обычной за № 49. Она была в том районе, где сейчас Театр наций. В школе заправляла центровая уличная шпана. Когда отца в очередной раз вызывали в школу, он говорил: «Что, опять к директору? Да не пойду я...». У меня там был приятель Юра Красиков, с которым у нас все время что-то происходило. Это было так часто, что в какой-то момент отца переклинило, он написал детскую фантастическую повесть «Юра Красиков творит чудеса», которая печаталась с продолжением в «Пионере».

На мой выбор профессии отец никак не влиял. Лишь бы чем-то хотелось заниматься. Но мне не особенно хотелось. (Да и сейчас, признаться, тоже...) У меня никогда не было комплекса «сына большого человека». Что вот отец писал, и я непременно должен тоже что-то написать, чтобы ему соответствовать. Однако я двенадцать лет проработал переводчиком (потом еще сам написал несколько романов). Но беда в том, что я начал заниматься

этим делом, когда оно перестало быть уважаемым. И престиж, и деньги исчезли. Жить с такого занятия можно было еле-еле. А у меня – жена, сын (его зовут Михаил, сейчас он живет в Америке, занимается компьютерами). Поэтому пришлось бросить это дело. Правда, в последнее время вроде бы опять что-то налаживается, но мне возвращаться в эту профессию уже поздно. Получается, в чем-то повторил судьбу дедушки скрипача с его работой в Большом театре.

Моим любимым писателем, которого переводил с наибольшим удовольствием, был Стивен Кинг. У него из всех этих пугалок часто пробивается что-то сильное, настоящее. Отец к моему выбору относился с дружеским любопытством. Но не более того.

Говорят, всю жизнь у отца было две больших любви – мама и русская литература. Причем мама иногда, смеясь, добавляла, что если бы папе пришлось выбирать из них двоих, то он бы выбрал литературу».

17 апреля 2014 года мир покинул великий литератор Маркес. Через три дня – великий литературовед Сарнов. О втором, о его работах, об общении с ним хочется сказать словами первого: «Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было».

Хотя какие красивые слова ни говори, а все равно хочется плакать.

